

III. NUOMONĖ / OPINIE I POGLĄDY

Петр Червинский

Силезский университет

Институт восточнославянской филологии

ul. Żytnia 12, 41-205 Sosnowiec, Polska

Тел./факс: (48-32) 291 20 16

E-mail: filros@ares.filos.us.edu.pl

ОБРЯДОВАЯ ПЕРЕДАЧА СВОЙСТВ. ЯЗЫКИ СЕМАНТИК – РЕАЛЬНОЙ, КАТЕГОРИАЛЬНОЙ, ВЕРБАЛЬНОЙ

Статья посвящена проблеме внутреннего соотношения трех семантических проекций в составе знаково-концептуальных представлений носителей того или иного языка и сознания (традиции, культуры): 1) проекции реального, проявляющего себя в конвенционально-манипулятивных или ритуальных действиях; 2) проекции вербального, отображенного в первую очередь в значениях слов и корневых морфем, а также закрепленных в языковом сознании устойчивых высказываний; 3) проекции категориального – обобщающего, классифицирующего и грамматализующего, интерпретирующего реальное и вербальное системно. Основу внутреннего сходства трех названных проекций предполагается искать в особенностях устройства и динамики валентностной модели, описываемой пятью точками (= фазами), представляемыми в виде парадигматического соотношения значений форм, наподобие надежных, отображающих, соответственно, субстанциальную, сингулятивную, формальную, модальную и казуальную составляющие внешнего и внутреннего, видимого и невидимого естества того или иного явления, понятия, предмета. Анализ производится, с опорой на экспликацию пятивалентностной модели, на материале так называемой 'передачи свойств' как составляющей обрядов перехода (rites de passage), прежде всего свадебных и погребальных, и интерпретируемой как транзитивная модель общей модели достижения (приобретения / лишения, получения / извлечения). Вербальная проекция исследуемой системы иллюстрируется в 'формах значения' общеславянского корня «-вар-», отображенных в различных славянских языках, с акцентом на валентностный, «надежно» обусловленный характер сложившихся соотношений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: семантика, сознание логическое и пралогическое, «языки» семантики этноязыка, имя – денотат – сигнификат, валентностные и парадигматические структуры, обряды перехода, фазы обрядового действия.

В основе настоящего исследования лежит такое восприятие семантики, при котором выраженное вербально понимается как комплекс представлений объективного (приписываемых ему свойств) при условии обязательного тождества представляемого и представляющего, – концепция слова, соответствующая

определенной стадии и типу развития (состояния) сознания и известная в литературе после работ Л. Леви-Брюля как пралогическая, партиципирующая¹.

Подобный взгляд в определенном смысле более соответствует семантической природе слова, нежели иной, опирающийся на логику

¹ ЛЕВИ-БРЮЛЬ, Л. *Первобытное мышление*. Москва, 1930.

структур современного сознания, в силу изначальной неизменности природы сущего: возникшее, развиваясь, изменяется, не переставая быть собой, – подмена мотивационной базы семантического феномена языка не изменяет механизма его семантического проявления, меняет лишь характер интерпретации.

Условия тождества предполагают рассмотрение трех обозначенных сторон – реального (выражаемого в ритуализованном предмете-действии), категориального (отраженного в парадигматике традиционных представлений), вербального (в мифологизированной семантике слова) – как единого комплекса, части которого семантически тождественны (*'сделать' = 'подумать' = 'сказать'*) и находятся в отношениях взаимовключения и определенно соотношения (каждое *'сделать'* имеет свои *'сделать'*, *'подумать'*, *'сказать'*, каждое *'подумать'* и каждое *'сказать'* – свои).

Каждая из сторон этого единого комплекса имеет 'язык' своей собственной семантики, и вместе, сочетаясь, они создают единый 'язык' традиции. Природа 'языка' такова, что, будучи отражением природы означаемого, он способен к превращениям семантической формы при собственной своей неизменности как механизма. Любая сфера сознания способна иметь 'язык': 'язык' семантики, 'язык' форм семантического своего проявления – при специфике набора форм такого 'языка' и при общности, тождественности языка как механизма независимо от сферы сознания, в нем реализующейся.

При этом становится возможным (и природой сфер оправданным) исследование языка *реального* (семантики реального – социальных представлений о реальном и социальных проявлений в нем), языка *категориального* (семантики социальных представлений обобщенного), языка *вербального* (семантики, движимой в слове). Равно как и совместного – языка традиции. При таком подходе необходимо, однако, дефинитивные ограничения – определение понятий применительно к анализу, его задачам, аспекту, характеру.

Под *языком семантики* в работе понимается система смысловых, семантических форм, имеющая и повторяющая грамматическую языковую природу, форм, способных, сочетаясь, порождать *высказывания*, в компонентном составе которых обнаруживает себя природа 'лексического', 'морфологического' и 'синтаксического'. Язык семантики (языки семантик) – это способ (способы) порождения и восприятия смыслов той или иной сферы сознания, ее речевого проявления (оформления и обнаружения).

Иными словами, языки семантик – это *языки понимания* когнитивных сфер речевой, мыслительной и акциональной деятельности, имеющей коммуникативный, т. е. социализованный характер. Применительно к тому или иному национальному языку (этноязыку) интерес представляет исследование того уникального и одновременно с этим унифицированного для этноса способа семантического порождения и восприятия, который может быть определен как язык семантики данной этноязыковой традиции и который воплощается для соответствующего ей языка в специфических способах семантического оформления (номинативная природа лексемы, ее семантическая структура, ассоциативный и эмотивный фон слова, характер и условия лексической сочетаемости, закономерности порождения высказываний, идиоматика, фразеология, паремиология).

'Язык' семантики этноязыка во многом опосредуется и дополняется 'языками', создающими естественный фон и среду его проявления. Это 'языки' сфер, с одной стороны, составляющих области самостоятельного проявления человека, с другой, – входящих как компоненты в сферу вербализуемой семантики этноязыка. Языки реальной, категориальной, вербальной семантик представляются именно таковыми.

Сфера *реального*, соответственно, предстает в облике социально-знакового, конвенционального проявления человека в его агентивности, действиях, манипуляциях,

имеющих коммуникативный (языковой) характер. Наиболее яркое выражение подобного проявления – сфера обряда и ритуала. *Категориальное* понимается как обобщение, «грамматический облик» – знание и парадигматика: знание общих (категориальных) свойств объектов, парадигматика – как устройство, обобщение обобщений, грамматика знания. *Вербальное* – как выражаемое в слове, передаваемое словом, закрепленное в значенных слов, фразеологизмов, языковых структур.

Тот объект анализа ('передача свойств'), который взят для иллюстрации соотношений семантики реального, категориального, вербального, представляет собой структуру, конкретным проявлением которой должны быть действия (цепь действий), имеющие результатом переход, перенос некоего невидимого и желаемого – энергии, силы, причастности, наделенности – от одного лица (или предмета) к другому, переход, который предполагает обладание у передающего, императив (волевой импульс, желание) передачи хотя бы у одного из участников ситуации (таковым может быть и посредник) и приобретения (лишение) – как итог.

Передача свойств – важная составляющая целой совокупности обрядовых, культовых, шире – субъектных и межобъектных – взаимодействий, действий энергетического статусного характера, цель и смысл которых состоит в перемещении, изменении, приобщении, отторжении свойств и объектов для обретения лицом нового положения (статуса). Результатом действий является то, что носитель новых свойств становится новым лицом (предметом): изменение свойств ведет к изменению формы и сущности, т. е. существа объекта.

Рассматриваемая структура, будучи динамической и переходной, раскрывает в своем условии концептуально важную категориальную составляющую ранних, пралогических, в нашем случае семантических, представлений и их последствий: наделенный новым комплексом свойств, феномен стано-

вится новой сущностью, при этом – объект воспринимается равным комплексу представлений о нем, предмет составляет тождество с комплексом свойств, приписываемых ему. Повлиять на свойства некоего объекта – значит включить в его состав новые, лишить его старых свойств; заместить – означает изменить статус предмета, а также сам предмет.

Семантически (*вербально семантически*) это ведет к тому, что всякое имя (попеч), т. е. вербальная оболочка, называя объект (денотат), характеризует и обозначает в нем то, что составляет его подвижную (релятивную) сущность – свойства. Имя тем самым связывается не с денотатом, а с сигнификатом, оно обращено к свойствам в предмете (денотате), – при изменении свойств предмета требуется другое имя.

Объект оказывается зависимым от природы своей формы, от того, каковым он видится и предстает, ровно настолько, насколько эта видимость зависит от его свойств и обуславливается ими, – смысл и сущность составляют внутренние, энергетические наличия, комплексы представлений невидимого, некую сущностную силу – ману, сакральное, bios. Волк, лиса, дерево, человек, дорога не есть только то, что видится таковым, имеет вид волка, лисы, дерева, а *носитель свойств* волка, лисы, дерева. Отсюда возможно наличие свойств 'волка' ('лисы') у предмета не-волка (не-лисы), и, следовательно, можно назвать 'волком' ('лисой') всякого, кто обладает комплексом семантических (мифологических) свойств, характеризующих представление о волке (лисе).

Семантическое, интерпретируемое мифологически как душа, дух, сакральное, тотем, духи предков, тени, *тьень* в получившем имя как его невидимое и темное – является ли оно подвижным и перемещаемым (транзитивным) в силу способности духов, теней (= свойств) перемещаться, вселяться, передаваться, покидать. Значение (сигнификат), определяемое набором свойств (представлений), в качестве мотивационной концептуально-

логической первоосновы в таком случае имеет набор духов-теней, составляющих существо (essens) данного, самой данность: для раннего семантизирующего сознания свойства предмета – это его духи² (тени в нем, его невидимое).

Комплекс свойств, формирующих представление о предмете и воплощенный в значении слова, в силу способности к приписыванию и перемещениям свойств, в силу своей относительности и зависимости от отношения называющего, может быть назван *семантическим (этносемантическим) релятивом*, понимаемым как комплекс свойств и как внутренняя способность комплекса быть смещаемым (относительным) и воплощать отношение (релятив).

Равным образом как значение соотносимо с представлениями о внутреннем и невидимом объекта (духах – носителях свойств), так же и форма слова (имя) может быть соотнесено с представлениями о природе формы. Форма подвижна, зависима и не-сущностна, она только отражает сущность и должна меняться в зависимости от ее изменения: объект в представлениях сознания не таков, каковым он

видится, а таков, какова приписываемая ему сущность. Форма-видимое сама по себе ничего не значит, она – носитель, видимое другой формы, формы смысла предмета, формы его значения, 'формы' свойств.

Отсюда значимость имени (как формы смысла): фольклорные «кто-кто в теремочке живет?», «скажи, кто ты», «ах ты, зверь, ты зверина, ты скажи свое имя», «кто ты, чей ты, откуда ты?», означают, что сам зверь, человек, его видимая форма не страшна и незначима, страшно его внутреннее, сакральное, родовое, духи-тени, его тотем в нем – *форма свойств*, смысловая форма.

* * *

Передача свойств может быть результатом действий прикосновения, поедания, проглатывания, приобретения, вбирания, включения в себя, освоения как итога контакта. Последовательность действий, значимых и взаимосвязанных, формирует *структуру высказывания* на 'языке' семантики реального – высказывания, предполагающего в качестве обязательных пять компонентов, последовательных, переходящих друг в друга фаз:

обладающее		приобретающее		
серия подготовительных актов-намерений (фаза достижения состояния готовности активизации силы)	удаление, отделение части от целого, от обладающего, разделение на части	перемещение отделенного (части, частицы) в пространстве	контакт, соприкосновение с приобретающим	поглощение, включение в себя
I	II	III	IV	V

Фазы акции (компоненты высказывания) образуют транзитивную модель, представляющую смысл перехода, перемещения, передачи.

Грамматическое (категориальное) устрой-

ство реального многосложно. Валентностная³ структура отражает тип устройства, повторяющий языковое – парадигматизм, ступени конкретизации, уровни, ярусы грамматического представления.

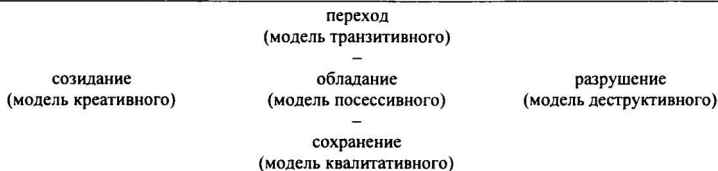
² От того, сколько бесов (и какие) уместятся на кончике иглы, видимо, зависело определение некоей связанной с ней сущности (может быть, самой силы), – подобная номинативно-семантическая интерпретация, очевидно, не лишена смысла.

³ Речь идет о соотносительности валентных мест, отображающей замещаемость соотносимых по своему характеру действий-реализаций.

Природа определяемого объекта – комплекса традиционных представлений, насыщающих языковую семантику данного этноязыка и составляющих основу его этносемантического релятива – такова, что отраженное (традиционный смысл, семантема, передаваемые в слове) есть результат, проявление действия общего отражающего – концептуальной космологической модели этноязыковой традиции. Определение всякого смысла,

входящего в общее, предполагает обращение к этому общему, соотнесение с ним.

Акциональную (агентивную) группу общего, к которой относится смысл передачи свойств, составляют пять моделей, связанных и соотносимых между собой валентностью определяемого элемента (статического центра), левого (входящего), нижнего (поддерживающего, обеспечивающего), верхнего (развертывающего, продолжающего) и правого (оформляющего, насыщающего):

Транзитивная модель предстает как вектор стремления общего в схеме, отражающей идею передачи свойств.

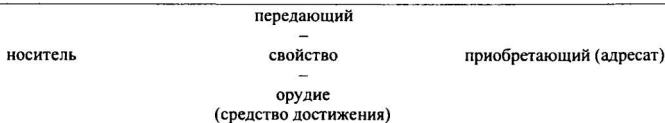
Фазовая валентностная структура каждой модели предполагает несколько типов семантической реализации. В зависимости от типа, структура может быть по-разному интерпретирована и имеет разные варианты реализации. Так, модель креативного предполагает два семантических типа – творения (одушевление, сообщение динамики, импульс) и упорядочивания (создание порядка, устройство). Модели деструктивного свойственны также два типа – повторение созидания с другим «исходным», т. е. с негодным материалом, и обратный креативному порядку. Модель посессивного способна реализоваться в типах наделенности (причастности), атрибута (знака), включенности (принадлежности).

Основу моделей верхнего и нижнего разделов, более динамичных и подвижных, составляют смыслы результатов действий сохранения и перехода. Для квалитативной

модели это семантические типы установления (меряние сил, соперничество), замещения (подмена, подстановки), приоритета (большая значимость, вес, сила) и избегания (преодоление, выход за пределы действия большей силы). Для транзитивной модели характерны семантические типы передачи (приобретение, придание), приобщения (включение), поглощения (подчинение), перемещения (переход) и смены состояний.

Передача свойств, таким образом, может быть определена как **семантический тип** реализации валентностной структуры транзитивной модели – акциональной группы (класса) общего устройства традиции, ее парадигматики.

Семантический тип может быть определен набором ролевых компонентов. Для передачи свойств важно, **что** передается (сила, свойство), **кто** передает (агент передачи), **от кого** (носитель), **кому** (адресат) и **посредством чего** (орудие, средство достижения, операциональная часть):

Во всем многообразии действий ритуала, предметов, агентов, сил, втянутых в его сферу, обнаруживается ролевая повторяемость, валентностная заданность, предопределенность. Ритуал имеет структуру, общую для всякого своего проявления. Подвижная множественность представляет собой реализацию единого комплекса установленных соотношений. Категориальное ритуала универсально.

Смысл разнообразных действий оказывается единым⁴. Едина семантика предметов, над которыми совершаются действия, имеющие общий смысл: значения предметов становятся значениями операциональными в силу структурной операциональности ритуала⁵. Категориальная детерминированность обрядового действия синтагматически (парадигматика синтагматики⁶) может быть представлена как сеть соотношений:

1. имеющих целью удаление, отделение, отсоединение, избавление, изгнание от себя, вынос за пределы себя, исключение. Осуществлением этих целевых установок является:

- омовение, бритье умершего,
- омовение (прикладывание к печи) рук после прихода с кладбища,
- омовение жениха и невесты (баня перед свадьбой и после нее, умывание молодой после первой брачной ночи),
- омовение новорожденного, гостя (пришельца),
- выметание дома после выноса умершего, мытье полов в доме,

- подметание, обмахивание, «заметание» следов ушедшего гостя, незнакомца, пришельца,
 - стрижка волос, бритье жениха перед свадьбой,
 - отряхивание, обметание, «сдувание пыли» (перед тем как сесть, поставить что-нибудь, прислониться, облокотиться, лечь в доме умершего; впустить в дом чужого, пришедшего с «той стороны»);
2. имеющих целью соединение, включение, вбирание в себя, в пределы себя, освоение. Это:

- совместная еда, питье (на погребении, свадьбе, родине; угощение гостя; поминальные кормления мертвых, предков),
- обмен предметами, подарками, одеждой, оружием, конями, детьми, женами,
- прикосновения, рукопожатия, объятия, поцелуи, контакт партнеров,
- касание, колувание печи невестой при входе в дом жениха,
- обмен кровью из ран побратимов,
- стегание вербами, кнутами (для передачи силы, здоровья, плодородия), битье поленом не вышедших замуж (на святки),
- купание молодоженов (на Ивана Купалу), катание на санях, на тройке (на масле-ницу),
- шибание молодых зерном (овсом, житом).

Как действия, предшествующие удалению / включению, предопределяющие или сопровождающие их, способствующие им или завершающие и закрепляющие их, можно рассмотреть:

⁴ Само понятие обряда для ритуализованного традиционного сознания должно быть, видимо, интерпретировано как всякое действие, всякий акт, имеющий основой взаимодействие с силами развития и способствования, *противными силами*, – содействующими, поощряющими, поддерживающими и препятствующими, силами, которые воздействуют и на которые возможно воздействовать, – акт регламентированный, установленный, кодифицированный, вписанный во время, пространство, социальный и агентивный контекст, акт **детерминированный**.

⁵ О семантической структуре ритуала и ритуального символа см. работы В. Тэрнера: ТЭРНЕР, В. Символы в африканском ритуале. Ритуальный процесс. Структура и антиструктура. In ТЭРНЕР, В. *Символ и ритуал*. Москва, 1983.

⁶ Собственно парадигматический аспект этой детерминированности следует рассматривать до ритуала как парадигматику традиции.

- отделение части от целого с целью удаления (либо удаление частиц с поверхности и/или изнутри),
- погружение (частичное / полное) и выход из среды погружения,
- соприкосновение с предметами, лицами, вещами,
- приобретение (обладание) в результате обмена, дара,
- освоение физическое, вбирание в себя, отождествление с собой.

Семантика операциональных действий и их результатов предполагает различную степень включения (удаления). Желаемое может достигаться последовательностью переходящих друг в друга, усиливающих общее действие этапов. Процесс включения (удаления) предстает как фазовый и конверсивный: включение в себя – удаление от другого, удаление от себя – включение в другое.

Общее действие-результат:

удаление	включение
– омовение умершего	– омовение невесты (утро свадебного дня, в бане)
– вынос тела покойного, прощание с домом (за ним пришли мертвые)	– выезд невесты из дому, прощание (за ней приехали сваты), в сани невесту вносят жених, в церковь едет отдельно от жениха
– выметание сора из избы после выноса, мытье полов	– венчание и совместная еда (обмен рыбником ⁷), от венца едут вместе
– бросание земли на крышку гроба в могиле	– в доме жениха обоих шибают зерном, невеста гладит и кормит скотину, обоим дают откусить от каравай, пир
– возвращение (перепрягая лошадь на кладбище, оставляя носилки, на которых несли покойника)	– невеста дарит родню жениха
– омовение рук и прикладывание рук к печи по возвращении с кладбища	– брачная ночь

Степень включения / удаления с достаточной очевидностью маркируется степенью проникновения внутрь, степенью заполнения⁸, освоения, вбирания в себя – от погружения в среду (пространство) и выхода из среды (пространства), соприкосновения, до обладания и включения в свое «я», в границы своего тела. Чем теснее, чем «внутреннее», сильнее степень контакта с потенциальным

носителем свойства, тем сложнее и продолжительнее процедура избавления от «связи» с ним, тем (как обратное) сложнее включение, соединение с ним.

Родовая (кровная) связь, относясь к разряду наиболее тесных, нерасторжима: умерший продолжает оставаться мертвым рода, родовым предком, родителем; невеста (жена) – чужой в роду жениха (мужа), лишь частично

⁷ Рыбник (сев.-вост.) – кулебяка, пирог с рыбой. В свадебных обрядах русского Севера использовался во время венчания: «После венца сватья ей (невесте) заплетает косы и накладывает борушку. За пазухой у молодых по рыбнику. Они их съедают, меняясь. Корки отдают сватье». БАЛАШОВ, Д. М.; МАРЧЕНКО, Ю. И.; КАЛМЫКОВА, Н. И. *Русская свадьба*. Москва, 1985, с. 364.

⁸ Идея проникновения, по мысли В. Н. Топорова, соотносима на интуитивно-языковом уровне с фактами языка: «при отсутствии в языке категории «проникновения», несомненно, существует «подязыковой» субстрат для ее формирования в сфере пространственных (по меньшей мере) отношений... речь может идти о предрасположенности (и возможности) использования отдельных элементов языка как средств для выражения идеи «проникновения». ТОПОРОВ, В. Н. О некоторых предпосылках формирования категории посессивности. In *Славянское и балканское языкознание. Проблемы диалектологии. Категория посессивности*. Москва, 1986, с. 153.

способна быть включенной в его род, настолько, чтобы иметь возможность родить ему детей его рода?

Отсюда вариативность передачи свойств, отражающая меру, степень близости, проникновения, тесноты контакта. Эта вариативность реализуется через:

- придание вremenного необходимого свойства, непостоянного, внешнего (омовение рук, прикосновение к печи),
- придание свойства с целью сохранения, защиты, укрепления предмета обладания, внутреннего свойства (опоясывание, опахивание¹⁰, огораживание),
- придание свойства с целью способствования его развитию, становлению, усвоению (сажание молодых на шерсть, хлестанье веником, прутьями, битье поленом для придания силы, здоровья, плодородия),
- придание нового внутреннего свойства (ношение ладанки, наговоры, заговоры, уроки с целью обретения желаемых свойств),
- придание свойства как результат замещения (удаления и включения), вытеснения другим (бритье волос жениха,

переплетение косы невесты, совместная еда на свадьбе, угощение у тещи после свадьбы).

Квантитативность передаваемого свойства регулируется

- а) характером действий включения / удаления: прикосновение, осыпание, орошение; обрызгивание, мазание, крашение; погружение; поглощение, т. е. вбирание в себя / отталкивание от себя, отряхивание; снятие, удаление с поверхности тела, осушение; выделение из себя;
- б) силой действия (коснуться, хлестнуть, ударить), активностью, сужением повторяющихся действий¹¹;
- в) значимостью, силой носителя, его массой, размерами: вода (в реке, ручье, озере, купели; брызги, капли воды, роса; чистая, освященная, теплая человеческая и холодная, грязная, своя и чужая); земля (комья земли, прах, пыль и земля места, пространства, площади); камни, кости, дерево (древесный материал, стружки, палки, поленья), молоко, пиво, вино, мак, горох и т.п.

Закономерен вопрос – что именно подвергается удалению или включению, что пог-

⁹ Об этом свидетельствуют описания свадебных обычаев и обрядов у экзогамных народов. У няккьюса (Южная Африка), например, это происходит как вытеснение, причащение и обмен посредством поедания мяса быка 'a bull of puberty': "The fertility of the girl is believed to depend upon driving, away the shade of her father's lineage from her body: Here is the meat. I have eaten the food of others, come out a little, may she bear a child at her husband's". WILSON, M. *Rituals of Kinship among the Nyakkyusa*. London; New York; Toronto, 1957, p. 112. ('Способность к деторождению у девушки, верят, зависит от изгнания тени (духа, призрака) рода ее отца из ее тела: Вот мясо. Я ем пищу других, выходи понемногу, дай ей понести ребенка (произвести на свет) (в доме) у ее мужа'). У нуэр (Судан) приобщение принимает еще более выраженный характер: "She comes to her husband's home not as a wife but as a mother whose breasts have suckled a child of their lineage". EVANS-PRITCHARD, E. E. *Kinship and Marriage among the Nuer*. Oxford, 1951, p. 74. ('Она приходит в дом мужа не как жена, а как мать, чьи груди вскормили ребенка их рода').

¹⁰ В обрядах опахивания участвуют обычно женщины – носительницы 'своего' родового начала (старые вдовы, незамужние девушки), с беременной во главе, т. е. те, кто, по представлениям ритуализованного традиционного сознания, считаются «легкими» (в противоположность «тяжелым») – обремененным духами-тенями – 'семенем' чужого рода, замужним, ведущим активную половую жизнь). О характерных чертах обряда опахивания у восточных славян см., например, ЖУРАВЛЕВ, А. Ф. Охранительные обряды, связанные с падежом скота и их географическое распространение. In *Славянский и балканский фольклор. Генезис. Архаика. Традиции*. Москва, 1978.

¹¹ Структурная особенность обрядов очищения (приобщения, включения) состоит в постепенном, повторяющемся, градационном освобождении от 'грязи', 'проклятия', 'следа': до трех раз (обычно) необходимо проделывать одну и ту же процедуру – омовение, обмазывание, раскрашивание, вбирание в себя и выбрасывание, выведение наружу, однако каждый раз при этом в меньшем (сужающемся) объеме.

лощается / выводится из себя, что подвергается дроблению, рассечению (изменению → рассеянию), разбрасыванию, – сила, свойство, тень, тени, смерть, духи, предки, душа умершего (пришельца, новорожденного, чужого, с «той стороны») либо вся совокупность пугающего «несвоего»? В каждый момент обряда, в ту или иную его фазу участвующие в действе имеют дело с разными проявлениями одного и того же (1), постоянно с одним и тем же (2), с разными действиями различных сил (3) или с различными силами (4)? Выбор одного из четырех возможных ответов может показаться не имеющим смысла лишь на первый взгляд: в туманном-де далеке ритуализованного сознания то, что к тому же «невидимо», вряд ли могло представлять конкретным.

Думается, однако, что смысл в постановке вопроса есть. Смысл и логика вопроса поддерживаются валентностным, категориальным движением «логического сюжета» действия, валентностным, категориальным устройством семантики всех его составляющих. Все, что видимо, т. е. то, что относится к форме, может быть определено как проявление одного из пяти возможных категориальных смыслов¹²:

- **вещество** (субстантив) существа предмета, его основа, сущность его природы, его материал, его *essens*,
- **единица** существа, определяемый элемент, зримая выделенность, предмет и предметность вещества, его *singula*,

- **форма**, видимое, внешнее осознаваемое, субститут вещества в реализации, 'материя' материала, вещьность вещества, обнаруживаемое, его *forma*,
- **проявление**, функция вещества, способ действия, обнаружения и представления вещества, его *modus*,
- **случай**, элементное функции, единица функции вещества, остановленное проявление, данность способа, его *casus*.

В ритуальных действиях предметы актуализированного отношения (релятива), т. е. те, которые оказываются носителями либо воплощениями промотивных сил, сил активно заряженного «несвоего», способны осознаваться как *вещественное, единица, форма, проявление, случай* силы. При погребении это могут быть:

- сам умерший (его тело, *след*) – **casus** мертвого как некоей детерминируемой, определяемой сущности,
- его тень (дух), его нетелесное – **modus** мертвого,
- тени умерших (духи) – **forma** мертвого,
- смерть, родовое, смерть в облике родового первопредка, приходящего за умершим – **singula** мертвого,
- смерть как потустороннее, то, что оттуда, с того света, являющееся в смерти – **essens** мертвого как некоего начала, первоосновы, смерти всего живого.

В свадебном обряде по отношению к жене – носителю силы чужого реализацию

¹² Имеются в виду смыслы категории *овеществления*, находящиеся друг к другу в отношениях «формы – проявления единого» как дериваты коррелирующих друг к другу мест-отношений, валентностей, 'падежей' *эссенциатива, сингулятива, форматива, модулятива, казуалиса*. Логика соотношений смыслов такова, что центральным, ведущим (с точки зрения категории) является смысл *эссенциатива*, от него исходят два предметных (*форматив, сингулятив*) и два предикатных (*модулятив, казуалис*) смысла, повторяющих симметрично идею соотношения предметных смыслов: **проявление** (модулятив) – **форма, случай** (казуалис) – единица функции, действия, вещества. Порядок, отражающий смысл пропорции относительно центрального члена, может быть следующий:

1. случай (<i>казуалис</i>)	вещество
2. проявление (<i>модулятив</i>)	проявление
3. вещество (<i>эссенциатив</i>)	случай
или	
4. единица (<i>сингулятив</i>)	единица
5. форма (<i>форматив</i>)	форма

категориальных смыслов можно представить так:

- жених, чужой, чуж-чуженин – **casus** родового несвоего, чужого, супротивного,
- его дух, чужое его начало, являющееся в нем – **modus** родового несвоего,
- его предки, духи его предков, предков его рода – **forma** его родового,
- его родовое, родовое сакральное, воплощенное в нем – **singula** его родового,
- потустороннее, то, что оттуда, там, чужое родовое сакральное, являющееся в представителях чужого рода – **essens** родового несвоего.

Движению в *формах* подвергается категориально единое, представляющееся, предстающее в разном. Отсюда возможность смешения, неразличения форм, поскольку они оказываются носителями единого (но не одного) смысла. В погребальном обряде у ньякьюса¹³ различие форм ощутимо:

Со смертью к телу умершего за ним (его тенью) приходят тени предков его рода (зов, оповещение, кликанье). Вначале умерший присутствует на теле и в телах тех, к кому он был близок (его жен, его наследника – брата, сына). Отправление умершего представляет собой цепь последовательно развертывающихся событий, связанных с удалением с поверхности тела, затем изнутри (из тела), с возвращением и последующим удалением. Окончательное освобождение а) невозможно сразу, предполагает этапы; б) возможно только при возвращении: отделение ↔ включение → отделение; в) во времени происходит новое проникновение тени (возвращение циклично), требующее нового отправления.

„At first the shade is in our bodies, we cast him out... at first it is as if we were still holding the

corpse in our arms but we throw the corpse away into the river... the shade we bring back into our house”¹⁴ (‘Вначале тень в наших телах, мы бросаем его... вначале это так, как если бы мы все еще держали труп в наших руках, но мы бросаем труп в реку... тень мы приносим назад в дом’).

Омовение в реке предполагает освобождение от тела (*corpse*) трупа (следа) умершего, при этом **тень** его (его дух) остается в телах его близких, **в себе** они приносят его с собой в дом – „*bringing back the shade as a beneficent spirit into the home, he warms himself by the fire in our house*”¹⁵ (‘принося (приводя) назад тень как благотворного духа в дом, он греется у огня в доме’).

Еда и питье (ячменного пива) означают кормление тени: „*the food which we have eaten you have eaten... do not create hunger... the shade is acknowledged as a kinsman by eating with him food and beer... before he is driven away*”¹⁶ (‘еда, которую мы ели, ты ел... не создавай голод... тень признают родичем, когда едят с ним еду и [пьют] пиво... перед тем как отправить его’). Умерший при этом отождествляется со своим наследником (братом, старшим сыном), замещается им.

Бритье волос – очередная фаза отправления умершего, освобождения от тени, которая в этот момент выходит наружу из тела: „*shaving the sprouting hair*’ is to get rid of the shade which was on their bodies”¹⁷ (‘«бритье отросших волос» – это избавление от тени, которая на их телах’).

И заключительная фаза освобождения-отправления – ночь, которую наследник проводит со вдовами умершего (до этого они должны быть изолированы, не могут ни к чему прикасаться, не моют рук) – „*it is the shade who has gone (with semen of the heir)*” (‘у тень выходит (с семенем наследника)’). Наслед-

¹³ WILSON, сноска 9.

¹⁴ WILSON, сноска 9, р. 49.

¹⁵ WILSON, сноска 9, р. 49.

¹⁶ WILSON, сноска 9, р. 49.

¹⁷ WILSON, сноска 9, р. 43.

ника на протяжении всего этого обряда поят пивом – „*beer represents the shade and that they took him on to their bodies in order to throw him off*”¹⁸ (*пиво представляет (олицетворяет) тень и так (таким способом) они принимают его (тень) в свои тела, с тем, чтобы выбросить его (из себя прочь)*). Отправление предполагает, таким образом, включение (вбирание в себя) и выбрасывание (отделение от себя, извержение).

Смысл действий включения / отделения (освоения / отчуждения) повторяется. Погребение предстает лишь как часть общего взаимодействия живых, умерших рода и божества (Кьяла):

„*What we do comes from the shades and from Kyala himself. The blood is theirs and his together... but Kyala creates a child. If Kyala and the shades do not 'cook' [i.e. do not cause desire] you will do nothing... but if Kyala has 'cooked' then you really do something, your heart is fool of desire. Always the shades are there and we drive them away, they are there and we drive them away*”¹⁹ (*То, что мы делаем, идет от теней и от самого Кьяла. Кровь – их и его одновременно... но Кьяла создает ребенка. Если Кьяла и тени не 'варят' [т. е. не вызывают желание] вы не сделаете ничего... но если Кьяла 'сварил', тогда вы действительно делаете что-то, ваше сердце полно желанием. Тени всегда там, и мы их выведем, они там, и мы их выводим*).

„*Ikipiki is our kinship, our blood... When my wife has borne a child and no one wipes its mouth with the ikipiki it means it is not my child... it is no relative of mine, but a stranger. In the puberty ritual it is the same, we treat the girl with the ikipiki of her husband. She moves from our lineage, from that of her father, she is now a stranger, not their relative. When someone has died it is the same. We eat food together with the deceased, the shade, and his blood. It is like a Swaniili custom of eating each other's blood to create kinship. It means: "You were our*

kinsman from afore-time, but now it is finished, you are a stranger”²⁰. (*Икипики (семя) – это наше родство, наша кровь... Если моя жена родила ребенка и никто не обтер ему рот икипики, это значит, что он не мой ребенок... он не родич мне, он чужой. В обряде инициации (ритуале половой зрелости) – то же самое, мы даем девушке (угощаем) икипики ее мужа. Она вышла из нашего рода, из рода ее отца, она теперь чужая (для них), не их родич. Когда кто-нибудь умирает – то же самое. Мы едим еду вместе с умершим, тенью, и его кровью. Это как в обычаях у Сванили есть кровь друг друга, чтобы создать родство. Это означает: «Ты был нашим родичем в прежнее время, но теперь это кончилось, ты чужой»*).

Включение в род сопровождается замещением: вытеснением теней (духов) одного рода, заключенных в его представителе, и замещением их тенями (духами) другого рода, заключенных в представителе этого рода. Отправление умершего (отделение его от себя, от рода) представляет собой освобождение от него, отделение от себя его тени, удаление той «части» себя, которая его представляет для каждого. Род предстает как некое *единое тело*, некий организм, члены которого содержат в себе элементы (следы) других, и чем в более близких отношениях они находятся с этими другими, тем большую часть их в себе содержат.

В каждом событии, являющемся продолжением цепи предшествующих событий, есть, следовательно, некое начало, первопричина, без чего оно невозможно, его создатель, его демиург. Это может быть Кьяла (появление, зачатие, приход), смерть (умирание, уход), – его *эссенциатив*. Есть то, что способствует событию и без чего невозможно его осуществление (реализация, оформление), – его *форматив* (предки, духи). Есть единица

¹⁸ WILSON, сноска 9, р. 77. Цветы и вода ручья в обряде, от соприкосновения с ними, также субстанционально содержат умершего, «заражены» им. „*We bring him back when we have bathed. He also bathed there he is present*” (*Мы приносим его (на себе) обратно после купания. Он тоже купался там, он присутствует*). См.: WILSON, сноска 9, р. 76–77.

¹⁹ WILSON, сноска 9, р. 60.

²⁰ WILSON, сноска 9, р. 65.

родового и мертвого (родовая потенция, сила данного представителя рода, смерть данного человека) – его *сингулятив*. Есть далее его *модулятив* (тень умершего) и *казуалис* (его тело, след его в теле и на теле живых)²¹.

Все пять значений-форм категориально единого, так или иначе, проявляют себя в ритуале. Боятся умершего, его появления, его самого (тела – *казуалис* мертвого), тело отправляют в первую очередь, от него избавляются и ограждают себя от него. Дух его (*модулятив* мертвого) способен причинить вред – наслав болезнь (у някьюса – удушье ‘*the gasping caught*’), сумасшествие; дух является во снах, воспоминаниях, мыслях. Предки, приходящие за ним (*форматив* мертвого) в момент его смерти, никого не пугают, они пришли за умершим, с ними надо только быть осторожными – не оскорбить, не задеть, не поранить; встретить и проводить, отправив с ними умершего. Смерть (смерть как таковая, смерть всего живого – *эссенциатив* мертвого) страшна, когда является не только за ним, не в сопровождении его смерти (первопредка – *сингулятив* мертвого), а сама по себе – во время мора, чумы, эпидемии. *Сингулятив* смерти – тетка, гостья, гостейка, кума – приходит к нему (умершему) и уходит с ним.

Смысл примет, связанных со смертью, определяется ‘*формой*’ мертвого. Так, представление о смерти, предке рода, пришедшего за человеком (*смерть пришла*), лежит в основе таких примет, как:

- *обозначиться в человеке* – к свадьбе или покойнику (повстречать пришедшую ‘смерть’ человека, т. е. пришедшего за ним либо за невестой для него *первопредка рода*; возможно, в каком-то

случае это означает увидеть его двойника – гостя с того света; следовательно, вся примета – к его смерти, свадьбе того, в ком обозначался);

- *стук в доме по неизвестной причине* – к чьей-либо смерти (‘смерть’ пришла, стучит).

Представление о *теньях* умерших, приходящих к тому, кто умрет, чтобы забрать его, увести с собой, лежит в основе таких примет, как:

- *галки и вороны, сидящие с криком перед домом, особенно утром* – к худу (галки и вороны – мертвые рода);
- *если петухи в селении не вовремя распоются* – к покойнику (тени приходят, петухи кричат, видя их);
- *мухи зимою в избе* – к покойнику;
- *в покое, где лежит покойник, не метут до выноса его*;
- *сор при покойнике вымести* – всех из дому выносить (вымести тени умерших до времени, озлобить их).

Представление о *смерти* как таковой, прилетающей, приходящей к умирающему (смерть всему живому) лежит в основе таких примет, как:

- *сыч хозяина выживает* (если кричит на дому);
- *сова не приносит добра*;
- *если мышь попадает за назуху*, то быть большой беде;
- *мыши изгрызут одежду (платье)* – к смерти (сыч, сова, мышь – смерть);
- *покойник один из дому вон* (так говорят, вынося его и запирая за собою в доме на время жильцов);
- *при смерти от поварных и заразных болезней покойника выносят вперед*

²¹ Пять возможных проявлений смерти – *смерть как таковая*, смерть всего живого; *смерть-первопредок*, родовое в смерти, первый умерший рода; *тени, гонцы смерти*, проводники умершего; *смерть-мертвец*, душа, которая вытесняет живого, случайная смерть, занявшая его тело; *смерть-зов*, мститель или кровный умерший, – отличны от представленных ‘форм’ *мертвого*; мертвое и смерть не одно и то же, как сущностное вещества и формы смерти. Смысл вопроса, – *какой смертью умер?* – может быть понят и в отношении форм-проявлений самой смерти.

головою (чтобы вынести смерть, чтобы смерть не осталась сидящая у изголовья, чтобы ушла с покойником, не прихватив других);

- *при язвах (чуме, море) пересекают мертвецу путь (перед шествием рубят косарем поперек дороги, чтобы смерть не могла вернуться);*

Назовем и другие представления о смерти, составляющие основу примет. Это *тело*, след умершего, оболочка его:

- *солону, на которой лежит покойник, сжигают за воротами;*
- *если гроб не в меру велик* – быть еще покойнику в доме;
- *мерку с покойника кладут с ним в могилу* (все это, чтобы не мог вернуться, забрать еще кого);
- *щепу от гроба вывозить дочиста вон со двора;*
- *стружки от гроба не жгут, а пускают на воду;*
- *коли жечь щепу от гроба, то жарко бывает покойнику* (как части домовины умершего, части «тела» его);
- *носилок с погоста в день похорон не возвращают;*
- *с похорон домой, так руки к печи. С проводов покойника надо руки погреть* (освобождение от тела, следа умершего на руках).

Тень умершего (умирающего), его душа, дух²²:

- *при кончине человека ставят воду на окно, чтоб душа обмылась;*
- *шесть недель покойник умывается, шесть недель утирается;*
- *гул в трубе* – душа покойника пришла;
- *если у одного из сидящих за кутьей нет тени, то он скоро умрет* (тень его уже отделилась, не рядом с ним, ушла, бродит);

- *зеркала в доме, где покойник, заешиваются, чтоб он не мог в них смотреться* (и не осталась его тень).

Связь пяти сторон, пяти форм единого определяется семантикой транзитива, проявляемой в акции передачи свойств:

1. есть **каузатор**, создатель, причина происходящего – **смерть**, отбирающая жизнь, забирающая тело умершего себе, поглощающая и разрушающая, расчленяющая, уничтожающая его. Каузатор – вне свойств, он лишь причина акции.
2. есть **адресат**, поглотитель и хранитель силы – родовой, жизненной, потенции и плодородия, **первопредок** (предок) рода. Род, тотем, приходящий к умирающему забрать его жизненную силу, чтобы сохранить ее тем самым для рода. Аккумулятор свойств, адресат акции.
3. есть **исполнители**, способствующие и совершающие, передающие свойства (посредники) – **близкие** умершего, его родичи, освобождающиеся от него, от тела (= свойств, носителем которых он является), и **тени** умерших, стимулирующие действия живых по передаче свойств.
4. есть **носитель** свойств – **умерший** (он сам, его тень, душа, его заместитель – наследник).
5. есть **субстанция** свойства, его воплощение – **тело** умершего, его след в телах близких (его семья, кровь), то, что передается, от чего освобождаются.

Смысл ‘передачи’ погребального обряда состоит в *освобождении* (отчуждении от живых) *своих* свойств, т. е. жизненной силы умершего и сохранении ее для рода. При этом сами живые не могут быть обладателями этих свойств, они передают их потомкам рода (рождающимся, иницируемым), – это связь, которая не может быть нарушена.

В каждом акте, имеющем транзитивный

²² Необходимое разграничение духа, души, тени умершего, вероятно, связанное с ранними представлениями о множественности (трех, четырех, восьми) душ человека, в данном случае не составляет отличия анализируемой ‘формы’ – *модулятива* мертвого, это ‘формы’ видимой/невидимой субстанции, т. е. иного категориального.

смысл, проявляется действие формы единого (того, что совершается), акт 'передачи' как целое значим в соединении, при участии всех пяти форм. В свадебном обряде²³ русского Севера «*невеста надевала в бане... на потное тело рубаху и штаны, приготовленные ею в подарок будущему мужу. Рубаху эту затем*

выкатывали и завязывали в дары, а жених надевал ее на следующий день после свадебной ночи, отправляясь в гости к теще»²⁴. Смысл обряда может быть понят как приобщение жениха к роду невесты²⁵, освоение жениха родом невесты, соединение с ним ('обмен' свойствами):

отчуждение			
<i>эссенсиатив</i> осушение тела невесты паром, выталкивание паром теней	<i>модулятив</i> выход теней с потом невесты на поверхность ее тела	<i>казуалис</i> собрание теней на штаны и рубаху	<i>сингулятив</i> переход теней на штаны и рубаху (получение объекта – носителя свойств)
освоение			
<i>форматив</i> дарение, передача рубахи, получение дара	<i>казуалис</i> надевание рубахи женихом (погружение , соприкосновение)	<i>модулятив</i> выход теней из рубахи на поверхность тела жениха	<i>эссенсиатив</i> проникновение внутрь, переход теней в его тело

Действия-формы отчуждения / освоения переходны и разворачиваются во взаимно-обратном порядке, отражая логику развертывания форм самой парадигмы (при этом **сингулятив** принадлежит *отчуждению* и *освоению*):

эссенсиатив – модулятив – казуалис – сингулятив отчуждения;

форматив – казуалис – модулятив – эссенсиатив освоения.

Парадигма соотносимых форм определяет смысл той передачи, которая может рассматриваться как основа механизма освоения, вбирания в себя отчуждения, выноса за границы своего тела и, кроме того, как основа

семантических отождествлений «конкретное, видимое, внешнее = невидимое, внутреннее, осязаемое», проявляемых в лексической семантике.

Внутренняя форма слова (мотивирующая основа его значения) представляет то, что, определяясь отношением (**этносемантическим релятивом**), способно проявлять реальные и категориальные элементы модели – креативной, квалитативной, посессивной, деструктивной и транзитивной, обращая их в вербальный элемент. Психофизическая основа лексической семантики для транзитива составляется механизмом отчуждения / освоения, выведения / перенесения в себя. Семантика

²³ Сам термин «обряд» (равно как и другой термин) семантически представим в пяти поворотах (аспектах, точках): как *казуалис*, *модулятив*, *эссенсиатив*, *сингулятив*, *форматив* некоего действия-существа, – случай, проявление, вещество, единица, форма «обряда» (отсюда и разграничение терминов «обряд» и «ритуал» становится объяснимым).

²⁴ БАЛАШОВ, Д. М.; МАРЧЕНКО, Ю. И.; КАЛЫКОВА, Н. И., сноска 7, с. 105.

²⁵ Приобщение жениха к роду невесты: вытеснение им из себя 'своего' родового мертвого (семени) и включение, вбирание им в себя родового невесты – еда в доме тещи, носительнице родового женского рода невесты.

слов транзитивной модели²⁶ может быть представлена в формах (значениях) ее парадигмы. Движение форм определено местами. Каждое лексическое значение (отенок значения) представляет собой форму (*эссенциатив, модулятив, казуалис, форматив, сингулятив*), определяемую по соотношению с другими. Порядок движения форм (динамика форм) в диахронии и в синхронии (исторически – в семантической структуре значений слова одного языка, его фразеологии, паремиологии, идиоматике; этнолингвистически – в значениях корневой морфемы родственных языков; территориально, социально – в диалектах, жаргонах и других вариантах одного языка; ассоциативно – в узусе, художественной, фольклорной и пр. традициях данного языка) может быть определен только на основе этимологического анализа.

Семантика корневой морфемы, вне всех ее реализаций представляет собой некий отвлеченный, тематический смысл (как основу единства), отличный от таких же смыслов, представляемых другими корнями. Корень **-вар-** (*варить*), к примеру, отличен от семантически сходных²⁷ **-кип-** (*кипеть*), **-пек-** (*печь*), **-жар-** (*жарить*), **-гор-** (*гореть*) признаком, определяемым этимологически и составляющим основу его внутренней формы:

-вар- бурление, клокотание на поверхности
-кип- бурление и вспенивание с переливанием через край,

сбеганием от скопления, сталкивания, сгущения

-пек- сушка, обжиг, каление
-жар- горение (пыханье) раскаленного, яркого, сильное
-гор- горение горячего, греющего, сухого

Соотношения реального, обозначаемого корнями (референтные соотношения) составляют парадигматическую систему, которая может быть выведена и определена как самостоятельная и независимая от системы вербального, но соотносимая с ней, организованная таким же образом²⁸.

То, что обозначается корнем **-вар-** неким определенным образом соотносено в сознании с тем, что обозначается корнями **-кип-**, **-пек-**, **-жар-**, **-гор-**, а также **-кал-** (*калить*), **-жг-** (*жечь*), **-пар-** (*парить*) и др. и составляет с ними общую парадигму, обозначая совместно с ними проявления единого: как *вещество* существа данного обозначаемого – его *эссенциатив* (**-гор-**); как *функцию* этого вещества, способ действия, обнаружения и представления – его *модулятив* (**-вар-**); как *единицу* функции, данность способа – его *казуалис* (**-кип-**); как *субститут* вещества в реализации, его осознаваемое внешнее, *форматив* (**-жар-**) и как возможный его *сингулятив* (**-пек-**)²⁹.

Соотношения внутри вербальной семантики одного корня также парадигматичны. Корень, в совокупности своих структурных и семантических (лексических) образований, представляет движения в парадигматической

²⁶ Мифологическое (пралогическое, раннее) как основа семантического устройства слова и словаря проявляют себя классификационно: значения слов, в зависимости от своего категориального основания, могут определяться как значения той или иной модели.

²⁷ Соотношения могут быть и иными, в случае если иной будут этимология, позиции значений проверялись данными близкородственных (славянских) языков, семантикой и идиоматикой русского языка. Для других языков вероятен иной характер соотношений тематических смыслов, иными тогда предстают и основы внутренней формы.

²⁸ *Реальное* и *вербальное* в семантике (реальное – как зависимое от представлений субъекта об окружающем мире, вербальное – как передаваемое словами) представляются, таким образом, двумя системами, находящимися в отношении взаимного представления (репрезентации) и имеющими в основе устройства общие механизмы.

²⁹ Отражаемые в корнях парадигматические акценты не противоречат сказанному: то, что обозначается как реальное (*референтное*) и то, что отражено корнем (*вербальное*), не полностью соотносимо, системы находятся в отношении взаимного наведения.

системе, которую можно передать в виде матрицы 5×5 (итого 25) ключевых смыслов темы корня, вертикальный ряд которой отражает **предикатное** основание темы (*интенционал*), горизонтальный – его **номинативное** основание (*экстенционал*).

Параметры предикатного основания:

- 1) внешнее во внешнем своем проявлении, действию; для корня -вар- это значения – *кипеть, бурлить, хлопотать*, словацкое *voda sa vari* (кипит), то, что обозначается в *кипеть, бурлить, хлопотать*, – **модулятив** предикатива (*интенционал*);
- 2) внешнее в его отношении к объекту, по проявлению объекта в нем:
-вар- – *кипятить, готовить* кипением: *варить* мясо, картофель, овощи; белье, – **казуалис** предикатива;
- 3) свойство внешнего по проявлению (внутреннее внешнего во внешнем, по отношению к субъекту): *парить, печь, Солнце варит* (у В. Даля³⁰), – **эссенсиатив** предикатива;
- 4) внутреннее субъекта по внешнему (его проявлению, свойству), вхождение внешнего внутрь, вбирание, присваивание внешнего: *переваривать пищу*, – **сингулятив** предикатива;
- 5) выход внутреннего субъекта наружу, проявление его вовне: *вредить* ‘сильно потеть’ (обл.), *разовредить* ‘сильно вспотеть, разгорячиться’, болг. *вря в пот* ‘обливаться потом’, – **форматив** предикатива;

Параметры по номинативному основанию:

- 1) проявление вещества, то, что осуществляет способ его действия, что ‘варит’ в ‘варит’, *варящее -вар-*, ‘кипеть, бурлить, хлопотать’ для *voda sa vari*, – **модулятив** номинатива;

- 2) то, что несет на себе следы результата проявления, элементное функции, единица функции вещества, остановленное проявление, *варимое -вар- кипящее*: *вар* ‘кипящая вода, кипящая смола’ (момент кипения), – **казуалис** номинатива;

- 3) то, что составляет его невидимое, внутреннее его вещества, варение как ‘вещество’ процесса: *бродить, брожение* (акцент на внутреннем процессе наблюдаемого явления), словац., чеш. *var, vrenie* ‘брожение, вино, пиво бродит’ (т. е. меняет свойство, внутри совершается процесс, обнаруживаемый во внешнем – хождение пузырей), – **эссенсиатив** номинатива;

- 4) то, что составляет элементное перехода, делает возможным определение того же в другом, -вар- как таковое, взятое вне: *вариться* = ‘толпиться’, *гончие варом варят* ‘дружно голосят, гонят’, польск. *wrzawa* ‘суматоха, суета, толчея, гвалт’, *tlum wrzał*, сербскохорв. *vreva*, – **сингулятив** номинатива;

- 5) то, что составляет его оформление, внешнее внутреннего, материал материала: болг. *извор*, сербскохорв. *vrelo* ‘ключ, источник’, – **форматив** номинатива.

Смыслы, образуемые пересечением предикатного и номинативного оснований, предстают как формы соответствующей парадигмы (см. табл.).

Особенность парадигматического устройства матрицы состоит в том, что каждая ячейка ее, каждый ключевой смысл способен к движению по пяти основаниям (точкам)³¹, с образованием последующих производных смыслов³².

³⁰ ДАЛЬ, В. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Москва, 1955, т. I, с. 165.

³¹ Самых исходных оснований матрицы не два, а четыре: *предикатное, номинативное, субъектное* (перцептивное) и *регулятивное* (операциональное).

³² Схрв. *варница* ‘искра’ от *вар* ‘накал’, к примеру, может рассматриваться как производное ключевого смысла – *сингулятив* перцептива от *эссенсиатива* предикатива и номинатива. Словацкие *varák* ‘варочный котел’, *varecha* ‘мешалка, мутовка, весёлка’, *varié* ‘плита, плитка’ – соответственно как *форматив, сингулятив, модулятив* регулятива от *модулятива* номинатива (необходимые уточнения должны быть произведены в системе). Слова, помещенные в качестве иллюстрации в таблицу, также могут быть уточнены в том отношении, репрезентируют ли они собственно ключевой или же производный от данного ключевого смысл.

**Ключевые смыслы-проявления вербального тематического
смысла -var- на славянском материале**

(порядок форм отражает развертывающуюся воспринимаемую тему корня -var-).

Левая часть таблицы:

номинатив (экстенционал)	модулятив	казуалис
предикатив (интенционал)		
модулятив	видимое внешнее 'варения', обнаруживаемое его представление для глаза <i>кипеть, бурлить, клокотать</i> <i>vriet', voda sa vari 'кипит', more vrie</i> (словац.), <i>vřít</i> (чеш.), <i>wrzec'</i> (польск.)	видимое внешнее 'варения' в реализующем, обнаруживаемое его представления в представителе <i>кипащее, варимое</i> <i>var</i> 'кипящая вода, смола', <i>war</i> (польск.), <i>варяток</i> (тульск.)
казуалис	примененное проявление существа 'варения', его функция в акциональном субъекта <i>кипятить, готовить</i> <i>варить</i> белье, еду, словац. <i>varit'</i> , чеш. <i>vařit</i> , болг. <i>варя</i> , польск. <i>warzyć</i>	полученное как результат примененного проявления существа 'вар-', его функции в акциональном субъекта <i>вареное, сваренное</i> <i>варенье, варенина, варево</i> , чеш. <i>várka čaje</i> , сербскохорв. <i>вариво</i> 'вареные овощи'
эссенциатив	ощущаемое внутренней сущности -var- в его действии на среду (внешний мир) субъекта <i>парить, печь</i> <i>Солнце варит</i> (устар., обл.)	носитель свойств по результату -var- как основание свойства <i>кипение, варение</i> как основание свойства болг. <i>вар</i> 'известь, смола', словен. <i>var</i> 'зыбучий песок'
сингулятив	обнаруживаемое внешнее проявление существа 'варения' во внутреннем своего «я» <i>переваривать</i> (пищу) <i>желудок, кишки не варят</i> , сербскохорв. <i>варити</i> (2) 'переваривать'	то, что с признаками ошутимого (во внутреннем «я») проявления '-вар-' сербскохорв. <i>врућија</i> 'горячка, лихорадка'
форматив	проявление существа 'варения' во внешнем «я» субъекта <i>сильно потеть</i> <i>вредить, разoverеть</i> (обл.) <i>Ну жара - свариться можно!</i> болг. <i>вря в пот</i> 'обливаться потом'	-var- как основание свойств внутреннего, проявляемого во внешнем «я» субъекта <i>вареный</i> 'вялый'

Парадигматическая таблица (матрица) в ее насыщениях конкретными смыслами специфична для каждого отдельного корня, она представляет структуру мест, своего рода валентностей семантического наполнения (оп-

ределения), наполнение же зависит от номинативной природы (также матрично устроенного) *реального* (в соотношениях, обозначаемых корнями тематических смыслов -var- /-kip-/-pek-/-жар-/-гор-), от соотношения

Правая часть таблицы:

эссенциатив	сингулятив	форматив
невидимое внутреннее 'варения', обнаруживаемое в проявлении <i>бродить, брожение</i> болг. диал. <i>вря</i> 'бродить' (о вине), словац., чеш. <i>var, vrenie</i> 'брожение'	обнаруживаемое проявление - <i>вар-</i> в социальном субъекта <i>толпиться</i> <i>гончие варом варят.</i> болг. <i>врява</i> сербскохорв. <i>врѣва</i> , польск. <i>wrzawa, tłum wrzał</i>	то, что, обнаруживаемое как постоянное проявление, становится определителем внешнего, его воспринимаемым основанием обнаружения, распознавания <i>ключ, источник, родник</i> болг. <i>извор</i> , сербскохорв. <i>врѣло</i> , <i>вруһац</i>
то, что определяется свойством 'быть варимым' применительно к проявлению его существа в акциональном субъекта то, что <i>варимо</i> , и это его свойство польск. <i>warzywa</i> 'овощи', болг. <i>вариво, варива</i> 'горох, бобы, чечевица'	примененное проявление <i>-вар-</i> в социальном субъекта <i>варить воду из кого-либо</i> (укр.) 'издеваться'	то, что, обнаруживаемое как постоянное проявление, обладает дополнительно акциональным свойством к субъекту <i>горячий источник, горячий ключ</i> чеш. <i>vřídlo</i> , болг. <i>врело</i>
<i>-вар-</i> как свойство себя самого, существо существа, суть сути сербскохорв. <i>вар</i> 'сильный жар, накал'; <i>варница</i> 'искра'	примененное проявление <i>-вар-</i> в социальном как свойство внутреннего данного социального польск. <i>warzyć</i> 'портить настроение'	ощущаемое <i>-вар-</i> как его внутреннее свойство, состояние в его действии на субъекта <i>вар (жар, жара, зной)</i> <i>варом обдало</i> , польск. <i>war</i> 'жара, зной'
испытываемое, переживаемое в ощущениях состояние по свойству <i>-вар-</i> укр. <i>варко</i> 'жарко, горячо, душно, влажно'; сербскохорв. <i>врућ</i> 'горячий, жаркий'	переживаемое <i>-вар-</i> как социальное (с выходом) чувство <i>варить в себе, в мыслях, в сердце</i> ; словац. <i>varit</i> , чеш. <i>vařit</i> 'замышлять' <i>Что в сердце варится, на лице не утаится.</i>	переживаемое <i>-вар-</i> как внутреннее состояние субъекта <i>вар (горе, боль)</i> <i>У всякого свой вар у сердца. Свое детище вар у сердца.</i>
проявляемое свойство <i>-вар-</i> в свойствах внутреннего для «я», в проявлениях внутреннего словац. <i>vrelý, vrelé</i> , чеш. <i>vřelý, vřele</i> 'горячий, теплый, искренний'; 'тепло, сердечно'	переживаемое <i>-вар-</i> как социальное чувство в обнаружении, проявление «я» словац. <i>zlost' v ňom vri</i> , болг. <i>кръвата му vri</i>	проявляемое в свойствах-проявлениях субъекта, <i>-вар-</i> как внутреннее проявление в субъекте <i>крутость, строгость</i> <i>Варом не будет густо, а будет пусто.</i>

реального темы корня с реальным ключевых смыслов темы. При этом вербальное, вырастая из реального, по своей семантической, независимой от обозначаемого природе отрывается от него в сигнификативное и в нем уже встраивает собственную семантику. Сложные соотношения многоступенчатых проявлений семантического порождают тонкость, обрыв-

чатость связей и переходов. Отсюда текучесть и мигрированность вербальных семантических проявлений в языках, установление соотношений, соответствие между которыми возможно лишь при условии построения семантической парадигматики (своего рода морфологии и синтаксиса 'языка' семантики).

Связь вербального и реального через

категориальное в семантике представляется обусловленной той моделью, с которой соотносится обозначаемое, его сигнификативной природой. Для смыслов транзитивной модели основанием связи предстает психофизическая структура акциональности – проявления человека в окружающем мире во всей совокупности психических, физических, перцептивных, когнитивных, сенсорных начал.

Рассмотрение исходных мотивирующих и этимологических основ семантики, ведущее к определению ее природы, а также природы ее исторического развития, не может быть полным и достоверным без анализа той концептуально-логической и реально-мотивирующей основы, которую представляет мифологизированное, традиционное, ритуализованное сознание, обладающее собственной, отличной от современного, природой семантических, вербально-репрезентативных и номинирующих представлений и механизмов, естественным образом отразившееся в лексической (вербальной) семантике и сформировавшее в конечном счете основу ее структур и механизмов, ак-

тивно действующих в современных языковых состояниях (природа семантического непрерывна).

Взгляд на семантику языка с позиций этнологических оснований способен проявить, помимо коммуникативной, перцептивно-логической (принятой в современной семиологии и лексикографии), иную основу – семантико-идиоматическую, что позволяет предположить возможность иного отношения³³ (иную базу этносемантического релятива) к слову, его семантике. Взгляд этот в большой мере подходит к определению природы идиоматики в языке, отраженной в текстах устного народного творчества, художественной литературы, фразеологии, паремологии, во внутренней форме слова. Через определение идиоматического в вербальной семантике (а такую возможность предполагает контрастивное изучение парадигматических структур вербального для близкородственных языков) возможен переход к исследованию 'этноязыка' семантики ('языка' семантики данного национального языка) в его собственных формах, категориях, значениях, парадигмах.

Piotr Chervinsky

Silesian University

Institute of East Slavonic philology

THE RITUAL TRANSFERS OF PROPERTIES. LANGUAGES OF SEMANTICS – THE REAL, THE CATEGORIAL, THE VERBAL ONES

Summary

The article is devoted to a problem of internal parity of three semantic projections in the structure of sign-conceptual imaginations of native speakers of one or other language and consciousness (tradition, culture): 1) projection of the real, showing itself in conventional manipula-

tive or ritual actions; 2) projection of the verbal, displayed first of all in the meaning of words and their roots, and also fixed in the language consciousness; 3) projection of the categorial - generalizing, classifying and grammatically interpreting the real and verbal systematically. The basis of internal similarity of the three named projections is supposed to be searched in the peculiarities of the structure and dynamics of the model described by five points (= phases), represented as a paradigmatic correlation of form meaning, displaying accordingly substantial, singulative, formal, modal and occasional components of the external and internal, the visible and invisible nature of a certain phenomenon,

³³ Возможность принципиально иного отношения к слову в сознании языкового коллектива-социума, сама природа этого отношения в ее статическом и динамическом обстоятельно и глубоко раскрыта в работах представителей французской этнолингвистической школы: ZAHAN, D. *La Dialectique du Verbe chez les Bambara*. Paris; La Haye, 1963; CALAME-GRIAULE, G. *Ethnologie et Langage: La Parole chez les Dogon*. Paris, 1960.

concept or subject. The analysis is made referring to explication of five-valences models, on material of so-called 'transfers of properties' as a component of *rites de passage*, first of all wedding and funeral, and interpreted as a transitive model of a general model of achievement (purchase / deprivations, reception / disposals). The verbal projection of the researched system is illustrated in 'the forms of meaning' of the Slavs

root „-вар-”, displayed in various Slavic languages with an accent on valence determined by the character of the formed correlations.

KEY WORDS: semantics, logic and paralogic consciousness, semantic „languages” of ethnical language, name – denotate – signifier, valence and paradigmatic structures, rituals of transition, phases of ritual action, semantics of word-root.

Gauta 2003 01 10

Priimta publikuoti 2004 02 11